

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81.2.2

DOI 10.25205/2312-6337-2019-1-103-110

В. А. Горбунова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Ульчский язык: современное состояние и перспективы изучения

Статья посвящена анализу языковой ситуации ульчей (мангунов) – малочисленной этнической группы, проживающей на Дальнем Востоке. Коренным языком нации является ульчский – один из малоисследованных до настоящего времени тунгусо-маньчжурских языков амурской подгруппы, который в сложившейся ситуации условного двуязычия постепенно вытесняется доминирующим русским. Статистические данные (сокращение за последние десять лет числа носителей более чем в четыре раза, сужение ареала распространения, вытеснение языка как средства коммуникации и т. п.) указывают на то, что на данном этапе язык может оцениваться как находящийся на грани исчезновения, вымирающий. Его сохранение и возрождение, в первую очередь, хотя бы частичное восстановление коммуникативных функций, потребуют серьезной работы. Инициативы последних десятилетий: введение ульчского языка в программы средних школ и дошкольных учреждений, подготовка специализированных учебных пособий, организация и проведение культурных мероприятий, в основе которых лежат национальные традиции, поддерживающие чувство самосознания этноса, могут способствовать популяризации языка. Однако необходимым условием его ревитализации являются фиксация и описание языкового материала лингвистами. На сегодняшний день ульчский язык практически не имеет системного описания: отсутствуют полные словари и научные грамматики. Создание фундаментальных лингвистических исследований, опирающихся на сохранившиеся фольклорные тексты и материалы задокументированной современной речи носителей, еще владеющих родным языком, будет способствовать не только повышению статуса языка, но и его сохранению в исторической перспективе.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, ульчский язык, языковая ситуация, языковые сообщества, вымирающие языки, ревитализация.

Ульчи (ольчи, ольча, нән'й, самоназвание – мангуны) являются одним из малочисленных коренных народов Российской Федерации. Ареал распространения данной этнической группы на сегодняшний день не выходит за границы Ульчского района Хабаровского края. Общее число ульчей, по данным переписи населения 2010 года, составляет 2765 человек, 2621 из которых компактно проживают в Хабаровском крае [Итоги ..., 2012, Т. 4, с. 2116]. Большая их часть — жители крупных сёл (Борогородское, Булава, Софийск, Солонцы, Дуди) и небольших поселений (Нижняя Гавань, Мари-

Горбунова Виктория Александровна – кандидат филологических наук, ведущий инженер сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.

E-mail: vicgor89@mail.ru, тел: +7-(383)-330-27-37.

ISSN 2312-6337. Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2019. № 1 (37). С. 103–110.

© В. А. Горбунова, 2019.

инское, Савинское и др.). 589 представителей нации (около 21%) проживают в посёлках городского типа [Итоги ..., 2012, Т. 4, с. 2174].

Основные направления хозяйственной деятельности ульчей включают рыболовство и охотничий промысел, на современном этапе – лесоразработки. Язык коренного населения ареала получил название ульчского; типологически он относится к южной, или приамурской, группе тунгусо-маньчжурской семьи.

Целью данной работы является описание современного состояния ульчского языка, оценка его значимости как средства коммуникации и источника лингвистического материала.

Национальный состав ареала отличается разнообразием: крупнейшей группой являются русские (около 60%), второй по численности – ульчи (около 17%), далее следуют мелкие сообщества тунгусо-маньчжурских народов – нанайцы, нивхи, эвенки, негидальцы, удэгейцы и пр. [Герасимова, 2002]. Обилие этнических групп приводит к регулярным межнациональным контактам. Основным средством межнационального общения на данной территории является русский, которым в основной своей массе владеют представители всех перечисленных народов [Итоги ..., 2012, Т. 4, с. 25–28]. Случаи билингвизма, при которых носители владеют двумя или несколькими языками, относящимися к тунгусо-маньчжурской группе, крайне немногочисленны: в общей сложности в 2010 году было задокументировано около 10 подобных примеров [Итоги ..., 2012, Т. 4, с. 2124–2130]. Доминирующее положение русского языка становится определяющим фактором при формировании языкового ландшафта.

Несмотря на наличие ряда условий, способствующих стабильности языковой ситуации, как-то: замкнутость социума, вызванная низкой транспортной доступностью района, удаленность от крупных населенных пунктов и агломерационных зон, длительный период оседлости у коренного населения, – распространение ульчского языка в ареале обнаруживает негативную динамику, обусловленную массивным влиянием русского языка.

По итогам переписи населения 2002 года, на всей территории России насчитывалось 732 человека, владеющих ульчским языком. Из них 363 проживало в Дальневосточном федеральном округе, в прочих же регионах были выявлены небольшие (до ста человек) кластеры носителей [Итоги ..., 2004, Т. 4, с. 13]. Материалы переписи 2010 года показали, что менее чем за десять лет общее число ульчей, владеющих в той или иной степени родным языком, сократилось до 154 человек, а территориальная дисперсия исчезла: 142 респондента, способных изъясняться на ульчском (что составляет около 5% от общего состава этнической группы), являлись жителями Хабаровского края [Итоги ..., 2012, Т. 4, с. 2124–2130]. Вместе с тем, подавляющее большинство ульчей отнесло себя к гражданам, свободно владеющим русским языком [Итоги ..., 2012, Т. 4, с. 2130, 2174]. Резкое снижение числа носителей в крупнейшем ульчском сообществе на территории страны говорит о том, что процесс вытеснения проходит крайне стремительными темпами.

С нашей точки зрения, эта тенденция к ускорению глобализационного процесса в данном случае порождается двумя группами факторов:

1. *Собственно языковыми факторами.* На протяжении практически всей своей истории ульчский язык существовал только в устной форме. Письменность на базе кириллической системы, привычной для носителей, была создана в восьмидесятые годы двадцатого века. Отсутствие устойчивой письменной традиции долгое время препятствовало функционированию ульчского языка за пределами сфер обиходно-бытового и профессионального общения. Возникающие языковые лакуны заполнялись средствами русского языка, что постепенно усиливало его роль в различных коммуникативных ситуациях. Длительная неопределенность типологического статуса ульчского языка также оказалась важным для его развития фактором. В тридцатые годы двадцатого века ульчский был классифицирован как диалект нанайского языка [Петрова, 1936]. Вследствие этого для его освоения не было подготовлено образовательной базы: ульчских детей обучали стандартизованному нанайскому языку, пренебрегая различиями между двумя языковыми системами. Решение о введении ульчского языка в учебную программу средних школ с применением специализированных пособий было принято лишь в конце семидесятых-начале восьмидесятых годов двадцатого века. [Суник, 1985, с. 4, 25] К этому времени многие представители младшего поколения ульчей уже были лишены возможности освоить ульчский язык как родной путем раннего погружения в языковую среду. Недостаток проверенных, эффективных образовательных практик и учебных материалов затруднил формирование навыков для этой части населения, численность которой с течением времени стала быстро возрастать.

2. *Демографическими факторами.* В научной литературе отмечается, что на текущем этапе своего жизненного цикла ульчский язык достаточно регулярно и в наиболее полном своем виде используется лицами преклонного возраста [Герасимова, 2006]. По данным переписи 2010 года, возрастная структура народа на сегодняшний день представляется неблагоприятной для сохранения языковой среды: доля людей старше 55 лет составляет в сообществе около 13%, медианный возраст населения – 28,4 года [Итоги ..., 2012, Т. 4, с. 2003]. Кроме того, есть основания предполагать, что рост доли межнациональных браков (до 49% в 2010 году [Балановская, Богунов и пр., 2018]) становится препятствием к использованию ульчского как инструмента внутрисемейного общения. Наконец, изменение социально-экономических условий и частичный отход от традиционных промыслов может снижать частоту контактов носителей в профессиональной сфере.

Обобщая изложенные факты, следует определить текущее положение языка как крайне уязвимое: в последние десятилетия комплекс разнородных причин приводит к постепенной утрате языковой преемственности и снижению в сообществе из поколения в поколение уровня компетентности, что вызывает стабильное сокращение числа носителей и может в перспективе привести к полному их исчезновению.

Вместе с тем, необходимо отметить и противодействующие положительные тенденции, которые дают основания для более оптимистичных прогнозов. Проблема исчезающих языков сегодня признается социально значимой, деятельность, направленная на сохранение языкового разнообразия, получает активную государственную поддержку. Применительно к ульчскому языку, инициативы в первую очередь касаются школьного образования в районе, где проживает основная масса ульчей. С конца девяностых годов началась публикация новых учебных пособий (букварей [Дечули, Сем, 1997], учебников [Ангина, 2009; Дечули, Дечули, 2017; Матвеева, 2018], рабочих тетрадей [Ангина, 2009], книг для чтения [Ангина, 2017]), подготовленных в соавторстве с коренными жителями – носителями языка. Серия охватывает четырехлетнюю программу изучения ульчского и, помимо привития базовых компетенций, также ставит своей целью ознакомление учащихся с традиционной культурой этноса, которая находит отражение в лексике. Помимо собственно учебной литературы коллектив педагогов и методистов осуществляет подготовку вспомогательных материалов: учебных словарей [Ангина, 2005], разговорников [Ангина, 1993], билингвальных сборников текстов малых жанров [Вершинина, 2006].

Особого упоминания заслуживает ульчско-русский словарь для младших школьников авторства Г. Г. Вальдю с переводом около 1500 лексических единиц [Вальдю, 2005]. Издание призвано дополнить аналогичный учебный словарь О. П. Суника, где представлена преимущественно базовая лексика [Суник, 1986], словами с выраженной эмоциональной окраской, абстрактными лексемами, описывающими внутренние состояния человека. Согласно наблюдениям составителя, этот сегмент словарного запаса освоен лишь наиболее компетентными носителями и находится под угрозой утраты в ближайшем будущем [Вальдю, 2005, с. 4]. Данное пособие представляет интерес не только как источник учебного материала, но и как результат языковой рефлексии представителя коренного населения.

На сегодняшний день интенсивная работа по привитию языковых навыков ведется в основном с детьми 7–10 лет, однако в перспективе представляется возможным поэтапное расширение образовательной программы для охвата школьников других возрастных групп. Так, для учащихся пятых и sixth классов в средней школе села Булава проводятся факультативные занятия¹, где стимулируется более глубокое усвоение строя языка. В том же селе обучение детей ульчскому языку начинается на этапе дошкольного образования², что способствует формированию более длительного и непрерывного языкового опыта. По оценкам Министерства образования и науки Хабаровского края, на сегодняшний день обучение ульчскому по расширенной программе проходят 164 ученика³. Это число превышает текущий объем базы носителей и, при условии успешного формирования единого сообщества, в будущем может дать языку импульс к ревитализации.

¹ Источник: сайт Булавинской средней школы (URL: <http://www.bulava.edu.27.ru/index.php/onas/obrazovanie>)

² Источник: сайт детского сада №4 села Булава (URL: <https://1932.maam.ru/maps/news/280848.html>)

³ Источник: сайт Министерства образования и науки Хабаровского края (URL: <https://minobr.khb.ru/?id=3691&from=search>)

Ряд дополнительных мер предпринимается для укрепления и развития языкового компонента в культурном пространстве ульчей. В то время как современные декоративно-прикладные и музыкально-хореографические искусства ареала несут на себе отпечаток этнических традиций, этнокультурная и эстетическая функции ульчского языка реализуются слабо. В сложившихся условиях значительным стимулом для их возрождения может стать популяризация языка посредством СМИ и печатных литературных изданий. После продолжительного перерыва в настоящее время этот процесс возобновляется. Материалы на ульчском языке публикуются в еженедельной районной газете «Амурский маяк», используются в местных радиопередачах. При Николаевском-на-Амуре промышленно-гуманитарном техникуме действует этноclub, где студенты практикуются в переводе и адаптации ульчских текстов. Текущий проект клуба – выполнение перевода сборника народных сказок, обработанных и опубликованных ульчским писателем А. Л. Вальдю; по завершении планируется издание электронной книги с версиями текстов на обоих языках⁴. Несмотря на то, что на данном этапе перечисленный набор культурных мероприятий не представляется достаточным для значительного расширения сферы функционирования языка, он представляет большую ценность как инструмент сохранения и развития языковых компетенций за рамками школьного образования. Однако необходимо признать, что ключевым фактором, определяющим дальнейшую судьбу языка, является заинтересованность коренного населения в поддержании его жизнеспособности, осознание его культурной ценности, которые могут привести к восстановлению коммуникативного статуса. Повышению социального статуса в немалой степени способствует интерес к языку со стороны научного сообщества: возможность коммуникации с лингвистами и этнографами стимулирует в представителях малых народов стремление сохранять, развивать и перенимать навыки устной речи. Таким образом, сбор лингвистического материала способен не только обеспечить фиксацию современного состояния языка, но и напрямую повлиять на вероятность его сохранения и распространения в будущем.

Высоко оценивая ревитализационный потенциал работы с респондентами, мы не можем, тем не менее, оставить в стороне вопрос о ее целесообразности для решения задач языкознания. Далее мы проведем полный обзор имеющейся на сегодняшний день научной литературы по ульчскому языку, чтобы установить степень его изученности и оценить перспективы лингвистического исследования.

История изучения ульчского языка

Ульчский язык попадает в зону научных интересов отечественных и европейских исследователей начиная с конца девятнадцатого-начала двадцатого века. Ранние попытки описания ульчского нельзя назвать лингвистическими исследованиями в строгом смысле слова. Их авторы, филологи и этнографы, принимавшие участие в первых дальневосточных экспедициях, видели свою первостепенную задачу в фиксации языкового материала. Основную часть их трудов составляют записи разножанровых фольклорных текстов, сопровождаемые преимущественно семантическими переводами, и составленные на их основе словари. Грамматическое описание на данном этапе ограничивается отдельными наблюдениями; разрозненные данные, касающиеся фонетики и лексики, зачастую приводятся для подкрепления гипотез, касающихся этногенеза ульчей и положения ульчского языка в типологической классификации языков.

К исследователям, положившим начало документированию и анализу ульчского языка, относятся В. Грубе [1900], Б. О. Пилсудский (материалы, собранные в 1903–1905 гг. [Trends ..., 2011]), К. Д. Логиновский (отчет об экспедиции 1908 г. [Логиновский, 1908]), П. Шмидт (публикация по итогам работы в 1908 г. [Schmidt, 1923]), И. А. Лопатин (записки об экспедициях 1910–1920-х гг. [Lopatin, 1957]).

Более разносторонняя и последовательная характеристика языка ульчей как сложной, многоуровневой системы была представлена в работе Т. И. Петровой «Ульчский диалект нанайского языка» [Петрова, 1936], ознаменовавшей в истории изучения ульчского переход к этапу собственно научного описания. Исследование осуществлялось на базе обширного материала, собранного в период с 1929 по 1935 гг. научным сообществом при Институте народов Севера в ходе серии этнографических экспедиций. В предисловии автор указывает на то, что описание проводилось с учетом результатов, по-

---

⁴ Источник: сайт Николаевского-на-Амуре промышленно-гуманитарного техникума (URL: <http://npgt.ru/metodicheskaya-sluzhba-new/innovatsionnaya-deyatelnost>)

лученных П. Шмидтом; в частности, исследование развивает предложенную им теорию о диалектной природе ульчского, определяя его как одну из вариаций гольдского (нанайского) языка. Вследствие этого работа отличается выраженной компаративистской направленностью: значительная часть исследования посвящена выявлению общих черт и расхождений между ульчской и нанайской языковыми системами.

В работе последовательно, хотя и не в равной степени, описываются все языковые ярусы, от низших к высшим. На фонетическом уровне проводится первичный обзор фонемного состава, определяются оппозиционные признаки для гласных и согласных фонем, затрагиваются наиболее характерные фонетические процессы. Крупнейший блок исследования составляет морфологическая справка. Ульчский определяется автором как агглютинативный язык, выражающий грамматические и деривационные значения посредством системы суффиксов. Для знаменательных слов Т. И. Петрова предлагает частеречное членение, основанное, в первую очередь, на грамматических признаках, выделяя имена существительное, прилагательное и числительное, наречие, глагол и отглагольные формы. Для каждого из названных классов перечисляются релевантные несловоизменяемые и словоизменяемые категории; при наличии последних приводятся парадигмы склонения / спряжения. Весьма подробно характеризуется также ульчская словообразовательная система (типы производящих основ и словообразовательных аффиксов, продуктивные деривационные модели), хотя морфемный состав не получает системного описания. Вопросы синтаксиса и морфосинтаксиса практически не затрагиваются.

Работа Т. И. Петровой является важной вехой в тунгусо-маньчжуроведении как первое и в течение долгого времени единственное научное исследование ульчского языка, заложившее основу для дальнейшего углубленного изучения рассмотренных подсистем. Несмотря на то, что работа по анализу жизненного уклада и бытовой культуры ульчей продолжалась, повторных попыток лингвистического описания не предпринималось в течение нескольких десятилетий. Следующая монография, посвященная ульчскому языку, автором которой являлся О. П. Суник, была издана только в 1985 г.

В противоположность взглядам Т. И. Петровой О. П. Суник рассматривает ульчский как автономный язык в составе нанайской ветви тунгусо-маньчжурских языков, отвергая версию о его развитии как диалектной вариации более многочисленного нанайского. В поддержку своей позиции автор приводит как совокупность языковых особенностей, отделяющих ульчский от прочих языков нанайской подгруппы, так и некоторые экстралингвистические факты: компактное территориальное расселение ульчей, отсутствие внутреннего диалектного членения, неудовлетворительные результаты использования нанайских материалов для обучения ульчских школьников и, наконец, самосознание ульчей как самобытной нации [Суник, 1985]. Сегодня эта точка зрения является общепринятой среди лингвистов, специализирующихся на изучении языков народов Сибири.

Отход от теории диалектной природы ульчского языка позволил исследователю выявить и детально описать более широкий круг характерных языковых явлений, интерпретируя их вне контекста материалов другого языка. Во многом работа О. П. Суника подтверждает выводы, сделанные Т. И. Петровой о звуковом составе и грамматическом строе ульчского языка, однако она существенно расширяет базу научных сведений. В частности, более детальное описание получают фонетические закономерности и процессы, отмечается их частотность на стыке морфем, позволяющая отнести ульчский к полуагглютинативным языкам с флективными элементами. В морфологии автор более четко определяет особое место, которое занимает в ульчской языковой системе категория притяжательности, а также дополняет характеристику частеречной системы базовой классификацией служебных частей речи. Наконец, в труде положено начало исследованию ульчского синтаксиса: определен круг стандартных синтаксических построений и их структурные особенности. Тем не менее, как подчеркивает и сам исследователь, данный очерк представляет только сжатое, первичное описание языковой системы, во многом приспособленное под практические цели интерпретации фольклорных текстов, и не может претендовать на роль исчерпывающего системного исследования.

В последние двадцать лет на волне обострившегося интереса к современному положению и будущему малочисленных народов возобновилась работа по сбору и анализу ульчского языкового материала. Современные публикации освещают частные вопросы ульчской грамматики и синтаксиса, зачастую в сопоставлении с фактами прочих тунгусо-маньчжурских языков. Среди исследователей, занимающихся сегодня проблемами ульчского языка, следует назвать Н. М. Стойнову, описывающую модели глагольной деривации и семантику аффиксов [Стойнова, 2017, 2018], А. Н. Герасимову, представившую в своем диссертационном исследовании сравнительную характеристику полипредикативных конструкций ульчского и нанайского языков с позиций новосибирской синтаксической школы

[Герасимова, 2005, 2006], С. Казама, проводящего сопоставительный анализ лексики и грамматики тунгусских языков [Kazama, 2002, 2003, 2010]. Перечисленные работы являются ценным вкладом в формирование общей картины структурно-системной организации и функционирования языка.

Тем не менее, обзор лингвистических работ новейшего периода вынуждает заключить, что на сегодняшний день труды Т. И. Петровой и О. П. Суника, несмотря на их обзорный характер, по-прежнему остаются наиболее масштабными и составляют основу научного знания для ульчского языка. Потребность в пополнении корпуса текстов, доскональном изучении каждой из подсистем и обобщении фундаментальных исследований в грамматических и лексикографических монографиях сегодня, в свете уязвимого положения языка, стоит крайне остро. Сочетание недостаточной изученности языковой системы, благотворного влияния, которое оказывают контакты с научным сообществом на самосознание носителей, возможность ревитализации языка на почве государственных инициатив делает фиксацию и обработку ульчского лингвистического материала одной из приоритетных задач тунгусо-маньчжуроведения.

Список литературы

- Ангина С. В. Ульчско-русский тематический словарь. СПб., 2005.
- Ангина С. В. Русско-ульчский разговорник. Богородское, 1993.
- Ангина С. В. Литературное чтение. 2 класс. СПб., 2017.
- Балановская Е. В., Богунов Ю. В., Каменщикова Е. Н., Балаганская О. А., Агджоян А. Т., Богунова А. А., Схалыхо Р. А., Альборова И. Э., Жабагин М. К., Кошель С. М., Дараган Д. М., Борисова Е. Б., Галахова А. А., Мальцева О. В., Мустафин Х. Х., Янковский Н. К., Балановский О. П. Демографический и генетический портреты ульчей // Генетика. 2018. № 10 (Т. 54). С. 1218–1227.
- Вальдю Г. Г. Ульчско-русский словарь. Богородское, 2005.
- Вершинина О. В. Первые шаги в ульчском языке. Сборник скороговорок, стихов, песен и сказок на ульчском и русском языках. Хабаровск, 2006.
- Герасимова А. Н. Нанайский и ульчский языки в России: сравнительная характеристика социолингвистической ситуации // Языки коренных народов Сибири. 2002. Вып. 12. С. 246–257.
- Герасимова А. Н. Некоторые особенности структуры обстоятельственных полипредикативных конструкций ульчского языка в сопоставлении с нанайским языком // Языки коренных народов Сибири. 2005. Вып. 16. С. 119–140.
- Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульчским. Новосибирск, 2006.
- Дечули К. Ф., Сем Л. И. Букварь. СПб, 1997.
- Дечули Н. П., Дечули С. П. Ульчский язык. 4 класс. СПб., 2017.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М., 2004. Т. 4, 13.
- Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. М., 2012. Т. 4.
- Логоновский К. Д. Об экспедиции // Записки Общества изучения Амурского края. Владивосток, 1908. Т. XII. С. 29–33.
- Матвеева Т. Б. Ульчский язык. 3 класс. СПб., 2018.
- Петрова Т. И. Ульчский диалект нанайского языка. М.; Л., 1936.
- Стойнова Н. М. Глаголы 'искать' и 'находить' и их дериваты в диалектах нанайского и ульчского языков // Еврика! Сборник статей о поисках и находках к юбилею Е. В. Рахилиной. М., 2018. С. 218–244.
- Суник О. П. Ульчский язык: исследования и материалы. Л., 1985.
- Grube W. Goldish-Deutsches Wörterverzeichnis, mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte. Reisen und Forschungen im Amur Lande von Schrenck. Petersburg, 1900.
- Lopatin I. A. Material on the Orochee Language, the Goldi (Nanai) Language, and the Olchi (Nani) Language. Posieux; Fribourg, Anthropos Institute, 1957.
- Kazama S. Basic vocabulary (A) of Tungusic languages. Osaka, ELPR, 2003.
- Kazama S. The suffix -ča in Tungusic languages. *Asian and African Languages and Linguistics*, 2010, no. 5, pp. 17–34.
- Kazama S. Ulcha oral literature 2: a collection of texts. Kyoto, Nakanishi, 2002.
- Schmidt P. The language of the Olchas. *Acta Universitatis Latviensis*. Riga, 1923.
- Trends in Linguistics Documentation. Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Vol. 4. Material for the Study of Tungusic Languages and Folklor. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 747–1007.

V. A. Gorbunova

Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
vicgor89@mail.ru

The Ulch language: current state and research prospects

The paper discusses the current linguistic situation of the Ulchs, a minor ethnic group occupying a small area in the Far East region of the Russian Federation. After several decades of gradual decline, the indigenous Ulch language has reached the point of near extinction. The presented statistical data shows that the number of native speakers has decreased dramatically since the beginning of the 21st century (from 732 down to 154 countrywide). The author suggests several factors that contributed heavily to the erosion of the language. The primary one is the lack of a written form up until late 20th century, which both stunted its development as a communication tool and hindered the process of passing down cultural knowledge and linguistic skills. Failing to cover a required range of registers, the Ulch language was eventually relegated to the language of informal social interactions, typically among family members, with Russian performing the rest of linguistic functions.

As the government and community groups are growing aware of the Ulch linguistic situation and engaging in efforts to make the indigenous language more prominent, reversing the shift is still possible. Including Ulch into the curriculums of junior and middle schools has allowed the younger generation to achieve a certain degree of oral competence. Social activities are being organized for adult speakers to encourage the use of language in a wider range of contexts. However, the process of language documentation, essential for revitalization, is revealed to still be in the beginning stages. The author presents an overview of all linguistic studies dedicated to the Ulch language and concludes that only a general framework of the system has been traced. Until mid-twentieth century the researchers mostly focused on collecting and processing the language material, offering only standalone observations related to the linguistic features. T.I. Petrova and later O.P. Sunik provided more detailed accounts of the Ulch phonetics, grammar and lexis, but both works only present a broad strokes description of the language that can't be considered comprehensive. Creating a full record of the Ulch grammar, vocabulary and syntax appears to be the primary task that needs to be undertaken in order to make the recovery a more likely outcome.

Keywords: Ulch language, linguistic situation, linguistic communities, moribund languages, revitalization.

References

- Angina S. V. *Ul'chsko-russkiy tematicheskii slovar'* [Ulch-Russian thematic dictionary]. Saint Petersburg, 2005. (in Russ.)
- Angina S. V. *Russko-ul'chskiy razgovornik* [Ulch-Russian phrase book]. Bogorodskoye, 1993. (in Russ.)
- Angina S. V. *Literaturnoe chtenie. 2 klass* [Literary reading. Grade 2]. Saint Petersburg, 2017. (in Russ.)
- Balanovskaya E. V., Bogunov Yu. V., Kamenshchikova E. N., Balaganskaya O. A., Agdzhoyan A. T., Bogunova A. A., Skhalyakho R. A., Al'borova I. E., Zhabagin M. K., Koshe' S. M., Daragan D. M., Borisova E. B., Galakhova A. A., Mal'tseva O. V., Mustafin Kh. Kh., Yankovskiy N. K., Balanovskiy O. P. *Demograficheskiy i geneticheskiy portrety ul'chey* [Demographic and genetic portrait of the Ulch people]. *Genetika* [Genetics]. Moscow, 2018, no 10 (vol. 54), pp. 1218–1227.
- Val'dyu G. G. *Ul'chsko-russkiy slovar'* [Ulcha-Russian vocabulary]. Bogorodskoe, 2005. (in Russ.)
- Vershinina O. V. *Pervye shagi v ul'chskom yazyke. Sbornik skorogovorok, stikhov, pesen i skazok na ul'chskom i russkom yazykakh* [First steps in the Ulch language. A collection of tongue twisters, poems and fairy tales in Ulcha and Russian languages]. Khabarovsk, 2006. (in Russ.)
- Gerasimova A. N. *Nanayskiy i ul'chskiy yazyki v Rossii: sravnitel'naya kharakteristika sotsiolingvisticheskoy situatsii* [Nanai and Ulcha languages in Russia: a comparative description of the sociolinguistic situations]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2002, iss. 12, pp. 246–257. (in Russ.)
- Gerasimova A. N. *Nekotorye osobennosti struktury obstoitel'stvennykh polipredikativnykh konstruksiy ul'chskogo yazyka v sopostavlenii s nanayskim yazykom* [Some distinctive characteristics of the structure of adverbial polypredicative constructions in the Ulch language in comparison with the Nanai language]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. Novosibirsk, 2005, iss. 16, pp. 119–140. (in Russ.)
- Gerasimova A. N. *Polipredikativnye konstruksii nanayskogo yazyka v sopostavlenii s ul'chskim* [Polypredicative constructions in the Ulch language in comparison with the Nanai language]. Novosibirsk, 2006. (in Russ.)
- Dechuli K. F., Sem L.I. *Bukvar'* [Primer]. Saint Petersburg, 1997. (in Russ.)
- Dechuli N. P., Dechuli S.P. *Ul'chskiy yazyk. 4 klass* [Ulch Language. Grade 4]. Saint Petersburg, 2017. (in Russ.)
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda* [Results of 2002 All-Russia population census]. Moscow, 2004, vol. 4, 13. (in Russ.)
- Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010 goda* [Results of 2010 All-Russia population census]. Moscow, 2012, vol. 4. (in Russ.)

- Loginovskiy K. D. Ob ekspeditsii [Regarding the expedition]. *Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraja* [Records of the Amurskiy krai studies society]. Vladivostok, 1908, vol. XII, pp. 29–33. (in Russ.)
- Matveeva T. B. *Ul'chskiy yazyk. 3 klass* [Ulch language. Grade 3]. Saint Petersburg, 2018. (in Russ.)
- Petrova T. I. *Ul'chskiy dialekt nanayskogo yazyka* [The Ulch dialect of the Nanai language]. Moscow; Leningrad, 1936. (in Russ.)
- Stoynova N. M. Glagoly 'iskat' i 'nakhodit' i ikh derivaty v dialektakh nanayskogo i ul'chskogo yazykov [Verbs 'search' and 'find' and their derivatives in the Nanai dialects and Ulch language]. *EVRika! Sbornik statey o poiskakh i nakhodkakh k yubileyu E. V. Rakhilinoy* [EUREKA! A collection of articles exploring the topic of searches and findings in celebration of E.V. Rakhilina's anniversary]. Moscow, 2018, pp. 218–244. (in Russ.)
- Sunik O. P. *Ul'chskiy yazyk: issledovaniya i materialy* [The Ulch language: studies and materials]. Leningrad, 1985. (in Russ.)
- Grube W. *Goldish-Deutsches Wörterverzeichnis, mit vergleichender Berücksichtigung der übrigen tungusischen Dialekte. Reisen und Forschungen im Amur Lande von Schrenck*. Petersburg, 1900.
- Lopatin I. A. Material on the Orochee Language, the Goldi (Nanai) Language, and the Olchi (Nani) Language. Posieux; Fribourg, Anthropos Institute, 1957.
- Kazama S. Basic vocabulary (A) of Tungusic languages. Osaka, ELPR, 2003.
- Kazama S. The suffix -ča in Tungusic languages. *Asian and African Languages and Linguistics*, 2010, no. 5, pp. 17–34.
- Kazama S. *Ulcha oral literature 2: a collection of texts*. Kyoto, Nakanishi, 2002.
- Schmidt P. The language of the Olchas. *Acta Universitatis Latviensis*. Riga, 1923.
- Trends in Linguistics Documentation. Collected Works of Bronislaw Pilsudski. Vol. 4. Material for the Study of Tungusic Languages and Folklor. Berlin; New York, Mouton de Gruyter, 2011, pp. 747–1007.